

СТАРАЯ ДУРА

Оксана Владимировна Васильева родилась в Новотроицке. Закончила филологический факультет Орского государственного института имени Т.Г. Шевченко. Работает педагогом дополнительного образования в городском Центре развития детей и юношества. Руководитель клуба авторской песни «Васильевский остров». Печаталась в местной и областной периодике, журнале «Гостиный Дворь», альманахах «Вечерние огни», «Стихотерапия», сборнике «Красный угол» и др. Автор книги прозы. Член Союза российских писателей. Лауреат областной литературной премии имени С.Т. Аксакова (2023), литературной премии им. П.И. Рычкова (2024). Живёт в Новотроицке.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Нателла Сергеевна.

Александр, её сын.

Юля.

Рома, её сын лет пяти.

Комната в квартире Нателлы Сергеевны в стиле провинциальной богемы: тяжёлые шторы, картины на стенах, шкафы с книгами, среди которых много подписных изданий советского времени, пианино с подсвечниками, пара банкетов, массивный письменный стол с лампой под абажуром зелёного стекла. На столе – помпезный канцелярский прибор с перьевыми ручками, лист бумаги с несколькими написанными словами и фарфоровая статуэтка оленя с гравировкой «Лауреат литературной премии "Серебряный олень"». На всём лежит порядочный слой пыли. У окна кресло с высокой спинкой.

В комнату входят Нателла Сергеевна и Александр. Александр остаётся стоять в дверях. Нателла Сергеевна садится в кресло, обмахивается веером.

Нателла Сергеевна. Приличные похороны. Я даже прослезилась. Отдел культуры в полном составе — лица скорбные, букет солидный. И выступали проникновенно: Новозаводск в трауре, всегда будем помнить. На издание книжки Антипова у них денег не было, зато цветочки к гробу — пожалуйста! И Кислицына... Александр, ты слушаешь?

Александр. Угу.

Нателла Сергеевна. Угу. Это всё, что ты можешь сказать матери? Мать на последнем издыхании. Сначала прощание, потом кладбище это наше ужасное, земля цвета ржавчины. Жара невыносимая просто. А у меня голова, ты же знаешь... Александр, что ты стоишь? Почему ты до сих пор не принёс матери воды?

Александр уходит.

В высоком стакане! Удивительно бесчувственное существо.

Александр приносит воду. Нателла Сергеевна разом выпивает половину стакана.

Она что — из-под крана? Хлоркой так и несёт! Так вот, Кислицына в чёрных кружевах, можешь себе представить, читала

свой очередной поэтический шедевр с оригинальным названием «Памяти ушедшего друга». Не могла же она вынести, что в центре внимания — покойник. Друга! Антипов её терпеть не мог, каждый раз морщился, когда видел. А теперь друг! И Травень прищандыбал. Вполне бодр. Удивительно, что речь не произнёс, хотя действием явно наслаждался. Как же, переиграл самого Антипова. Пережил. Ученики Антипова были. Целых три штуки. Интересно, кто теперь будет вместо него возиться с литературной порослью? Даже не представляю. Не Травень, явно. Он не готов никого двигать, кроме себя любимого. И упаси боже, если Кислицына вызовется. Чему она может научить? Кончилось Новозаводское ЛИТО! Скончалось. Ушла старая гвардия. Сначала Пётр Семёнович, потом Елена Тарасовна. Теперь вот Антипов... Александр, оторвись от телефона. Это, в конце концов, хамство!

Александр. Я должен ответить.

Нателла Сергеевна. Мать в трауре. Но кому до этого дело?

Александр. Мама, какой траур! Ты последний раз ходила на заседание вашего ЛИТО лет пять назад. И кричала, что никогда больше! Ни ногой к этому бездарному старичью!

Нателла Сергеевна. Бесчувственный и бессердечный.

Александр. И вообще мне собираться надо.

Нателла Сергеевна. Собираться, конечно, собираться. У нас же высокие цели! Служение науке! Зачем нам слушать женщину, которая родила и воспитала, когда впереди — Дальний Восток, океан, бухта Золотой Рог, остров Русский, маяк. Как в песне. «А я еду, а я еду за туманом...» Туман всё это.

Александр. Какой туман?

Нателла Сергеевна. Всё туман. Вся жизнь — туман. Рассеется. И вроде ничего не было. И только маяк посреди океана. У Антипова, я помню, были стихи про маяк. Что-то там «... одинокий и гордый... тра-та-та тра-та... свет!» Он читал на каждом выступлении. Ужасно читал, завывал. И руку так выкидывал вперёд пафосно. Молодой, худой ещё, в красной рубашке. У него тогда сборник только вышел. А Травень завидовал так, что нос белел. Меня ставили в программу между ними, разбавляли брутальную поэзию, так сказать, лирикой. А когда я сходила со сцены под аплодисменты, меня всегда провожали аплодисментами, я умела себя подать, Травень и Антипов бежали к ступенькам. Чтобы помочь мне спуститься. Наперегонки. Забавные! *(Александр уходит из комнаты.)* А после выступления мы ходили в «Кулинарио № 5» напротив студенческого общежития и брали пирожки с печеню и «Тархун». И Антипов... *(Замечает, что Александра нет в комнате.)* Александр!

Из коридора раздаётся телефонный звонок.

Александр! Принеси мне телефон. Он в сумке. Александр!

Александр приносит телефон.

Кто там?

Александр. Незнакомый номер.

Нателла Сергеевна. Я не отвечаю на неизвестные номера.

Александр. Не отвечай.

Отдаёт телефон и уходит. Телефон замолкает, но потом снова раздаётся звонок.

Нателла Сергеевна. Какая настойчивость! Отвратительный звонок. Да! Я слушаю! Да, это я. Что вы хотели? А почему ко мне? Антипов? Понятно. Ну, приносите. Тексты, тексты приносите. Нет, я не читаю с экрана. Найдите, где распечатать. Покрупнее, не мельчите. Да, четырнадцатый подойдет. Завтра в шесть вечера. И не опаздывайте! Гвардейская тридцать — одиннадцать.

Нажимает отбой.

Антипов ей рекомендовал... А меня спросить? Александр! Александр! Нужно что-то сделать с телефоном! Этот звонок просто просверливает голову. Насквозь! Александр!

Уходит.

Сцена 2

Входит Нателла Сергеевна. Садится в кресло у окна. Раскрывает веер.

Нателла Сергеевна. Восемнадцать ноль-ноль. Прекрасно! Пунктуальность нынешней молодёжи неведома! Я никогда не позволяла себе опаздывать! Александр! Александр!

Входит Александр.

Почему ты сразу не отзываешься? Я должна кричать на всю квартиру?

Александр. Что?

Нателла Сергеевна. У тебя в комнате стало слишком тихо. Я начала беспокоиться.

Александр. Мама!

Александр уходит.

Нателла Сергеевна. Восемнадцать ноль три! И где она? Я в первый раз пришла в наше ЛИТО, между прочим, за час до начала. Нервничала, ходила перед дверью. Антипов успокаивал. Анекдоты пытался рассказывать. Идиотские совершенно. Не дано было человеку, не дано. А как нас, молодых, тогда встречала старая гвардия? За столом только маститые литераторы города, мы на стульчиках у двери, слово лишний раз сказать боимся, слушаем, проникаемся. Полынная Елена Тарасовна, кобра очкастая, делала вид, что никак не может запомнить моё имя. Шипела на каждом обсуждении. Ну, ничего, ничего, лауреатство я у неё уже через год из-под носа увела. И мы с Антиповым сели тогда за стол. Пришли и сели, никого уже не спрашивая. И Полынная промолчала. Ядом подавилась, но промолчала. Восемнадцать ноль семь. А теперь

они звонят на личный телефон, приходят ко мне домой, да ещё и умудряются опаздывать! Почему Антипов направил ко мне? По старой привычке, видимо. Раньше всё на выступления и встречи таскал, теперь вот протеже мне подсовывает. Как привет из могилы! Пошлость какая! Антипов-Антипов! Восемнадцать ноль восемь! Нет, это переходит всякие...

Звонок домофона.

Александр! Александр, открой дверь! Ко мне пришли!

Голос Александра: «Здравствуйте! Проходите! Тапочки?»

Александр! Что вы там застряли?

Входит Юля, ведёт за руку Рому. За ними входит Александр, остаётся в дверях комнаты.

Юля. Здравствуйте!

Нателла Сергеевна. Так-так. Ещё и ребёнок.

Юля. Извините, мне его не с кем оставить. А садик только до семи.

Нателла Сергеевна. Я ждала вас в восемнадцать ноль-ноль.

Юля. Да, нас воспитательница задержала, простите. Рома сегодня...

Нателла Сергеевна. Мне это неинтересно. Потрудитесь в следующий раз прийти вовремя. Если он будет, следующий раз.

Рома. Мама, когда мы пойдём домой?

Юля. Скоро.

Нателла Сергеевна. Надеюсь, ребёнок у вас не шумный.

У меня от шума голова раскалывается.

Рома. Мама!

Юля. Рома, потом.

Рома. Мама, мы этой тёте не нравимся.

Юля. Вот мой телефон. Поиграй в «Гонки», пока я разговариваю. Садись.

Рома берёт телефон, садится на одну из банкеток.

Нателла Сергеевна. Вы ведь понимаете, что давать ребёнку телефон в таком возрасте, да ещё и приучать к играм — вредно. Хотя о чём я говорю, нынешнее поколение родителей не способно занять отпрысков без телефона! Догадались звук убрать — и то хлеб! Александр, что ты стоишь? Тебе нужно собираться!

Александр уходит.

Слушаю вас.

Юля. Павел Васильевич Антипов...

Нателла Сергеевна. Прежде всего представьтесь.

Юля. Да, извините. Меня зовут Юля. Иванцова.

Нателла Сергеевна. Прекрасно. Сколько вам лет?

Юля. Двадцать четыре.

Нателла Сергеевна. Многовато для начинающего поэта. Лермонтов в двадцать семь уже закончил. В литературу, я смотрю, вы не очень-то торопились. В отличие от остального. А чем занимаетесь?

Юля. Я парикмахер. Ещё подрабатываю, маникюр на дому делаю.

Нателла Сергеевна. О боже!

Юля. Мы с Ромой одни живём, на себя времени не очень много остаётся.

Нателла Сергеевна. Как мило! А стихи вы сочиняете ночами, при свете лампы?

Юля. Нет, почему? По-разному.

Нателла Сергеевна. И пишите, давайте догадаюсь, про любовь? Про несчастную, судя по всему, любовь. Да-а... Удружил Антипов.

Юля. Павел Васильевич... Мы с ним смогли встретиться один раз. Он со мной начал работать, собирать ошибки, а потом заболел. И сказал, что я могу обратиться к вам. Что лучше вас никто...

Нателла Сергеевна. Тексты. Вы принесли тексты?

Юля. Да, сейчас.

Вынимает из сумки тексты, отдаёт Нателле Сергеевне. Садится на банкетку рядом с Ромой.

Рома. Мама, у тебя телефон разрядился.

Юля. Рома, посиди тихонько.

Нателла Сергеевна. Странный шрифт. Неудобно читать. Вас не учили оформлять как следует? Очередная жертва ЕГЭ, я так понимаю.

Рома. Мама!

Юля. Ромочка, посиди. Мы скоро пойдём домой.

Рома. Мама.

Нателла Сергеевна. Мальчик, не шуми! Я не могу сосредоточиться! Ужасный ребёнок.

Рома встаёт с банкетки и начинает бродить по комнате.

Останавливается возле письменного стола, рисует что-то на пыльной поверхности.

Нателла Сергеевна. Итак, Валя.

Юля. Юля.

Нателла Сергеевна. Не знаю, что сказал вам Павел Васильевич, он всегда был снисходителен к барышням много моложе него, но я вижу тут...

Рома залезает на стул, дотягивается до фарфорового оленя, берёт его в руки.

Рома. Мама, смотри!

Юля. Рома!

Нателла Сергеевна. Поставь на место! Сейчас же!

Рома вздрагивает, задевает статуэткой за край стола, выпускает её из рук. Олень падает на пол и разбивается. Юля бросается к сыну, дёргает его со стула, наклоняется над осколками. Рома рыдает.

Рома. Мама, я не хотел. Я нечаянно. Мама, я не хотел! Мама! Мама, я нечаянно! Мама!

Юля. Я попробую склеить. У меня есть суперклеи.

Нателла Сергеевна швыряет листы со стихами Юли на пол, они разлетаются по комнате.

Рома. Я хочу домой! Эта тётя — дура! Старая и злая! Пойдём домой!

Нателла Сергеевна. Уходите!

Юля берёт за руку всё ещё рыдающего Рома. Они уходят. Нателла Сергеевна подходит к письменному столу, встает на колени перед осколками

статуэтки, перебирает их, потом приваливается к столу и закрывает лицо руками. Входит Александр.

Александр. Гости ушли? Мама! Мама, что? Тебе плохо? Ты плачешь? Из-за оленя? Ну, не надо, его можно склеить, смотри. Я сейчас соберу все осколки, они крупные. И мы склеим, даже видно не будет. Вот, собрал. Сейчас положу на стол, на чистый лист. Мама, не плачь! Помнишь, ты меня в детстве учила, что вещи — всего лишь вещи?

Садится на пол рядом с Нателлой Сергеевной.

Нателла Сергеевна. Я старая.

Александр. Ну, здрасьте, приплыли!

Нателла Сергеевна. Старая, всеми забытая кобра.

Александр. Мама, ты не старая.

Нателла Сергеевна. Двадцать четыре. Ей двадцать четыре.

Александр. И ты известный в городе поэт.

Нателла Сергеевна. Не смейши меня, Александр, известный! Пока Антипов суетился, нас куда-то приглашали.

Александр. И ещё пригласят.

Нателла Сергеевна. Ты не понимаешь. Я за три года не написала ни строчки. Ни строчки. Никому нет дела. Я не знаю, для чего жить. Я никому не нужна.

Александр. Мне нужна.

Нателла Сергеевна. И поэтому ты бросаешь меня и уезжаешь на Дальний Восток?

Александр. Я не бросаю. Я еду на стажировку, всего на год. Ты можешь приехать ко мне. Погуляем по Владиву, к маяку ходим.

Нателла Сергеевна. К тому самому, одинокому, гордому, в тумане? О, родственная душа! Понимаю его.

Александр. Да не бывает он одиноким. Там от туристов не протолкнуться. Идут к нему, идут.

Нателла Сергеевна. К нему идут.

Александр. К тебе тоже идут. Вот сегодня. Очень приятная девушка.

Нателла Сергеевна. Да? Я не заметила.

Александр. Стихи-то хорошие? *(Подбирает с пола несколько листов, читает.)* Да, слушай, неплохо.

Нателла Сергеевна. Технически они слабые, конечно, но если поработать, покрутить. Я думаю, что смогла бы чему-то научить.

Александр. Возьмёшься?

Нателла Сергеевна. Нет-нет-нет! Ни за что! Над словом нужно работать, работать и работать. А у неё ребёнок. А у меня голова, ты же знаешь! Это Антипов подбирал всех подряд.

Александр. Ладно. Тебе виднее. Я почти собрался, пара вещей осталась. Сейчас закончу и приду клеить оленя. А девушка, ты права, пусть обращается к кому-нибудь другому. Кто у вас там остался в ЛИТО: Кислицына, Травень?

Уходит.

Нателла Сергеевна. Кислицына, Травень? Александр, ты сам-то слышишь, что говоришь? Как вообще можно предлагать такое в моём присутствии? Александр! Теперь его не дозовёшься! И это мой родной сын! Кислицына! Травень! Где первый лист? Там, кажется, был номер телефона. Да. Александр! Ты мне нужен срочно! Александр! Ты должен ей позвонить! Александр!

Занавес

На улице кино снимают

Пьеса в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рита, 58 лет.

Елена Васильевна, 80 лет.

Начало осени. Сквер между домами постройки 50-х гг. прошлого века. Посреди сквера небольшой работающий фонтан. От фонтана лучами расходятся дорожки. Вдоль дорожек и вокруг фонтана стоят лавочки. Рядом с одной из них бутафорская телефонная будка, рядом с другой бутафорский автомат для газированной воды. На дорожке за фонтаном появляются Рита и Елена Васильевна. Рита несёт сумку с пледом.

Рита. Ой, смотри, тут у нас кино снимают. Историческое. Говорят, наш сквер сохранил

облик эпохи. Мама, осторожнее, там бордюр.

Елена Васильевна. Женщина, не трогайте меня! Что вы цепляетесь? Я ещё способна, слава богу, пройти несколько шагов по улице самостоятельно. Не инвалид. Вот, иду своими ногами.

Рита. Да не трогаю я. Не трогаю. Пойдём к лавке.

Елена Васильевна. Зачем к лавке? Сидеть на холодном? Заболеть и умереть скорее?

Рита. Я взяла плед. Сядешь на плед.

Елена Васильевна. Я не хочу сидеть. Я не буду сидеть. Я хочу гулять. А вы мне мешаете. Вам что, заняться нечем? Займитесь собакой, наконец.

Рита. Какая собака, мама?

Елена Васильевна. Что значит какая? Собака у соседей на втором. Я не знаю какая. Я не обязана знать, какая собака. Думаю, несчастная. Воеет, скулит каждую ночь, не даёт мне спать. Вы как соработник обязаны разобраться. Я уже писала вам несколько писем, чтобы вы приняли меры. Я так плохо засыпаю, всё думаю о дочери. Вы знаете, у меня ведь дочь Рита, Ритуля. Я её зову Тулечка. Правда, ей не нравится. Так вот, моя дочь, я давно её не видела, понимаете? Она, не знаю, занята, наверное. Да-да, она очень занята. Очень! Она там, у себя, знаете, она... она... У-у-ух! И что мне остаётся? Скучать. А тут собака воеет. Примите меры, я требую. Требую! Просто сделайте счастливой одну-единственную собаку.

Это не так сложно. Уж с собакой-то вы справитесь, надеюсь? И я буду спокойно скучать.

Рита. Опять бред какой-то. Собака...

Елена Васильевна. Удивительно, что службы ещё не заинтересовались этим случаем! Но я обязательно скажу дочери, когда она приедет. Да, моя дочь, Рита, она такая, знаете, внимательная и ответственная, она выяснит, она...

Останавливается, застывает, смотрит вдаль.

Рита. Мама, что? Мама? Что-то болит?

Елена Васильевна. Женщина, что вы так кричите? Вам нужно пить успокоительное. Пуштырник. Или настойку на корне валерианы. А лучше и то и другое вместе. Я вот на ночь пью ВКПБ. Только это и помогает. Особенно когда не можешь уснуть. И если какая-нибудь собака невыносимая. Очень просто, хотите я вам рецепт напишу? Или так запоминайте: валерьянка, корвалол, пуштырник, боярышник. Берёте в аптеке, в пузырьках, смешиваете в бутылке. У меня такая от йогурта питьевого. И пьёте на ночь по чуть-чуть. Хватает надолго. В вашем возрасте пора беречь нервы. О, автомат!

Подходит к бутафорскому автомату для газированной воды.

Стакана, конечно, нет!

Рита. Это не настоящий автомат! Декорация. Я же говорила, у нас кино снимают.

Елена Васильевна. Неужели они думают, что все носят с собой стаканы. Смешно! Я не намерена носить с собой стакан, если просто хочу выпить воды с газом. И с сиропом, с вишневым. Обыкновенное желание. Ничего особенного — просто вода с газом и сиропом. Женщина, обратите внимание — нет стакана! Обычного гранёного стакана работы Веры Игнатьевны Мухиной, на минуточку. Безобразие! Почему вы ничего не делаете? Разве государство платит вам не за то, чтобы вы обеспечили простой стакан в автомате с газированной водой.

Рита. Это декорации, мама. Автомат не работает. И стакан не нужен.

Елена Васильевна. Ах, он ещё и не работает! А какой смысл в сломанном автомате?

Рита. Он не сломан. Ты меня не слушаешь совсем, мама! Это декорация! Снимают кино. Снимают и уберут!

Елена Васильевна. Уберут, конечно, уберут! Убрать проще всего. Убрать — не налаживать! А объясните мне, почему никто не хочет налаживать? Откуда такое отношение к жизни — сломать и убрать. Разбить стакан, сломать аппарат, вылить воду с газом и сиропом на землю. Вычеркнуть из жизни родную мать. Как моя дочь, Тулечка, вычеркнула. Забыла меня, не приходит, не звонит. Столько времени! Столько времени... Забыла, бросила. Бросила мать на произвол

судьбы без средств к существованию. А разве матери так много надо? Всего лишь воду с газом и сиропом. Всего лишь. Чтобы порадовать мать, чтобы она не выла от тоски, как собака. Что вы стоите, пойдёте дальше, от этих автоматов никакого толка!

Рита. Давай вокруг фонтана обойдём, и ты присядешь.

Елена Васильевна. Вокруг фонтана? По кругу? Я что, в цирке?

Рита. Хорошо, пойдём, куда ты хочешь.

Елена Васильевна. Я хочу... Я хочу...

Снова останавливается, застывает.

Рита. Мама, что?

Елена Васильевна. Что? Что вы кричите, женщина? Какой голос противный! Мне нужно домой!

Рита. Зачем тебе домой. Мы только вышли. Тебе нужно гулять, дышать воздухом.

Елена Васильевна. Домой. Сегодня двадцатое. Сейчас принесут пенсию. Может, уже принесли. А-а-а, поэтому собака на втором лаяла. Ну, конечно, пенсия. Вам пенсия моя нужна. Деньги мои.

Рита. Сегодня пятое. Успокойся. И пенсию давно уже не носят. Она приходит на карточку.

Елена Васильевна. Делишки свои обдeldываете за счёт пенсионеров, да? Машины, квартиры покупаете? А пенсионеры голодают! Буквально сидят на воде и хлебе! На воде и хлебе! Я знаю,

знаю... Домой, домой! Собака лаяла!

Отталкивает от себя Риту, семенит вокруг фонтана, смеётся. Рита оббегает фонтан с другой стороны, ловит Елену Васильевну, трясёт за плечи.

Рита. Мама, уймись, уймись! Это невыносимо! Я с ума с тобой сойду! Куда ты побежала, что ты творишь?

Елена Васильевна. Собака. Собака лаяла.

Рита. Нет у нас на втором никакой собаки!

Елена Васильевна *(дерётся)*. Пусти! У-у, фашистка! Деньги мои забрала! Жируешь теперь?

Рита. Жирую? Фашистка? Да что... Господи, мама! Ты что говоришь-то? Ужас какой! У меня что — такая весёлая жизнь, да? Курорт просто? Я в отпуске не была пять лет. Работа — дом, работа — дом. А дома у тебя на побегушках. Не помню, когда последний раз книгу открывала. Я жирую? Когда, интересно? Когда полночи свет за тобой хожу выключаю по всей квартире? Или когда кухню отдраиваю после того, как ты кетчуп по стенкам размазала или мукой всё засыпала? А может, когда в пять утра ловлю тебя в подъезде? Чем не курорт?

Отпускает Елену Васильевну, отворачивается от матери. Елена Васильевна вдруг успокаивается, трогает листья, упавшие на бортик фонтана. Одни сбрасывает

вниз, другие оставляет, раскладывает по бортику.

Елена Васильевна. Все листья по-своему красивы, но среди них может найтись один идеальный.

Рита. И что? Что? Какой в этом смысл? Мама, в этом нет смысла. Ни в чём нет смысла!

Смахивает все листья с бордюра фонтана.

Всё, пойдём дальше!

Елена Васильевна. Мне нужно позвонить дочери.

Идёт в сторону бутафорской телефонной будки.

Рита. Это декорации. Мама!

Рита машет рукой, садится на скамейку. Елена Васильевна выходит из будки.

Елена Васильевна. Телефон не работает. Даже гудка нет. Тулечка?

Рита. Мама?

Елена Васильевна. А я как раз ходила тебе звонить. Но телефон не работает.

Рита. Это декорации.

Елена Васильевна. Декорации? Для чего?

Рита. Кино снимают. Мама?

Елена Васильевна. Как интересно. Мы обязательно пойдём с тобой смотреть, обязательно. Увидеть наш город на большом экране! Я так давно не была в кино. Тулечка, почему ты сидишь на холодном? Я же говорила тебе, что нельзя сидеть на холодном. Ты всё себе застудишь.

Рита. Мама!

Елена Васильевна. Да?

Рита бросается к Елене Васильевне, обнимает её.

Рита. Мамочка!

Елена Васильевна. Тулечка, ты меня не слушаешь.

Рита. Слушаю, я всегда тебя слушаю.

Елена Васильевна. Но не слышишь. На холодном сидеть нельзя!

Рита. У меня с собой плед.

Достаёт плед, стелет на лавку.

Садись, садись.

Елена Васильевна. Фиолетовое с жёлтым. Идеальное сочетание.

Садится на лавку. Рядом опускается Рита, берёт маму за руку, гладит.

Рита. Да. Идеальное. Как ты любишь.

Елена Васильевна. У тебя в детстве такое одеяло было. Ты уже не помнишь, конечно. Папа привёз тебе из Москвы.

Рита. Я помню.

Елена Васильевна. Это я ему говорила, что люблю ирисы — фиолетовые и жёлтые — в одном букете.

Рита. Да. Мама...

Елена Васильевна (*перебивает*). А почему ты сидишь? Тепло, солнышко. Как специально для нашей игры... Помнишь, как мы играли? Давай, давай, собирай листья.

Рита. Мама...

Елена Васильевна. Тулечка, такой день нужно тратить на красоту! Все разговоры потом.

Рита собирает листья, раскладывает их по бортику фонтана. Елена Васильевна закрывает глаза, дремлет. Рита садится рядом.

Рита. Мама! Спишь? Спишь. Мама. Мне тебя не хватает. Просто поговорить. Я так много не успела тебя спросить. Про всё. Про папу. Как у вас получилось? У меня не получается. Ничего не получается. Варя продлила контракт в Германии. Я думаю, она уже не вернётся. Своя жизнь у неё там. Так быстро. Так быстро. И Петя уехал. Второй месяц на даче. Говорит, устал. Хочет тишины, а не вот этого всего. Тишины! Я столько лет... чтобы дома чисто, красиво, наготовлено, рубашка белая наутро, дочь, не мешай папе... А он просто так — раз и уехал. Не звонит. Как будто меня нет. Зачем это всё было? Ты говорила, старайся — и получится. Я старалась, мам, я правда старалась! Я теперь умею идеально застилать кровать. Ты меня в детстве учила: «Край кровати должен быть такой ровный и чёткий, чтобы об него можно было обрезать!» И я не понимала, как это сделать. А теперь моя заправленная кровать просто глаза режет своей идеальностью. Я идеально чищу картошку, идеально развешиваю бельё, идеально мою полы. Я отчёты на работе составляю идеально. За это и держат. Я идеальная дочь идеальной матери, которая меня даже не узнаёт. Зачем это

всё? Я не понимаю! Не понимаю, мама! Мама? Мама!

Трясёт Елену Васильевну. Она просыпается.

Елена Васильевна. А? Что? Что?

Рита. Мама?

Елена Васильевна. Что, Тулечка?

Рита. Нет, ничего. Показалось. Я собрала. Пойдём.

Елена Васильевна и Рита подходят к фонтану, рассматривают листья на бортике, изображая отборочную комиссию. Одни листья оставляют, другие – смахивают под ноги.

Елена Васильевна. Этот? Как думаете, коллега?

Рита. Думаю, он нам не подходит. Вы уволены.

Елена Васильевна. А вот неплохой кандидат.

Рита. Согласна.

Елена Васильевна. Он?

Рита. До свидания.

Елена Васильевна. Свободен.

Рита. Как птица.

Елена Васильевна. О, красавчик!

Рита. И следующий. По-моему, они близнецы.

Елена Васильевна. Близнецы, не близнецы, но братья точно.

Рита. Прощайте!

Елена Васильевна. Пусть по-лежит.

Рита. До следующего круга.

Елена Васильевна. Хорош.

Рита. Чао!

Елена Васильевна. Ступай себе с богом.

Рита. Второй тур.

Елена Васильевна. Так, братья выбывают.

Рита. И ты, дорогой.

Елена Васильевна. Барабанная дробь! И наш победитель...

Рита. Идеальный лист сезона – красавчик справа!

Обе смеются, садятся на лавку. Елена Васильевна рассматривает лист и отдаёт его Рите.

Елена Васильевна. В шестом томе Большой Советской Энциклопедии ему самое место.

Рита. Да, конечно. Самое место. Мама, зачем мы это делаем? Ищем этот идеальный листок, засушиваем в Энциклопедии. Зачем?

Елена Васильевна. Как же, Тулечка, зачем? Это красиво! Красота, ты помнишь, спасает мир.

Рита. Если бы. Мой мир точно не спасают засушенные листья.

Елена Васильевна. Однажды ты найдёшь листок среди страниц, прямо как у Пушкина: «Цветок засохший, безуханный, забытый в книге вижу я...» Вспомнишь этот день, осенний, солнечный. Он теперь часть твоей жизни.

Рита. Ну да.

Елена Васильевна. Тулечка, у тебя всё хорошо? Что-то болит? Ты всё-таки простыла? А я говорила!

Рита. Нет, мама. Нет.

Елена Васильевна. У тебя что-то случилось? Расскажи мне.

Рита. Всё хорошо. Всё хорошо, мама. Мамочка!

Утыкается Елене Васильевне в плечо, та гладит её по голове.

Елена Васильевна. Ну хорошо. Хорошо. Жаль, что папа не смог с нами сегодня погулять. Такой чудесный день!

Рита. Папа?

Елена Васильевна. Да. Он любит осень, ты же знаешь. А эта его ужасная работа! Ни секунды свободной.

Рита. Но...

Елена Васильевна. Тулечка, ты ведь уже большая. Совсем большая. Я думаю, пора!

Рита. Что пора?

Елена Васильевна. Тебе пора иметь собаку.

Рита. Мама!

Елена Васильевна. Ты рада! Мы сейчас позвоним папе. Он после работы заедет на рынок за щенком. Решено!

Встаёт с лавки и идёт к телефонной будке.

Рита. Мама...

Елена Васильевна. Ты доверяешь папе выбрать тебе собаку, Тулечка?

Заходит в телефонную будку.

Рита. Папа умер. Пятнадцать лет назад.

Елена Васильевна выходит из будки.

Елена Васильевна. Не работает. Почему здесь ничего не работает? Я не понимаю, зачем ставить неработающие автоматы? Чтобы раздражать людей?

Рита. Мама?

Роняет листок.

Елена Васильевна. Женщина, вы так и собираетесь тут сидеть? Мы, кажется, гуляем? Нет? В вашем возрасте нужно больше двигаться! Двигаться, разгонять кровь. И вес лишний... Движение — жизнь! Вам нужно делать зарядку и больше ходить. Вы, наверное, привыкли ездить на транспорте? Это заметно. Это сразу сказывается. Пешком, пешком...

Рита. Мамочка...

Елена Васильевна. Двигаться, двигаться, двигаться.

Елена Васильевна уходит.

Рита. Мама! Мама, ты куда? Подожди! Да подожди же!

Вскакивает с лавки, комком забрасывает плед в сумку, идёт за матерью. Останавливается. Возвращается, подбирает с земли идеальный листок. Убегает.

Лодка посреди озера

Короткая пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мальчик, подросток лет 14.

Мужчина, его отец.

Тёплый день начала лета. Большое озеро. Посреди озера — лодка. В лодке сидят мужчина и мальчик. В руках у них удочки. На воде лежат два ярких поплавка. Мужчина в камуф-

ляжных брюках и куртке для рыбалки и охоты. Мальчик в городской одежде: светлых брюках и белой рубашке с коротким рукавом. Мужчина сидит на носу, мальчик – ближе к корме. Но рыбачат с одного борта.

Мальчик. И надо уже сейчас думать, какие предметы сдавать. А как, интересно, я должен выбирать, если ещё сам не знаю, чего хочу? В принципе, у меня по всем предметам ровно. Я думаю, стандартный набор – русский, математика и общество. Лёшик советует ещё...

Мужчина. Ключёт.

Мальчик. Где? А... Перестало. Лёшик советует информатику. Но в нашей школе информатика – капец просто! Тухляк. И с преподам у меня конфликт. Со следующего года к репетитору придётся. Когда ходить, не представляю просто. Художка пять дней в неделю плюс на теннис Лёшик меня устроил.

Мужчина. Тяни.

Мальчик. Что? Пусто. Сорвалась. А куда податься после школы – без понятия. Я вот думаю во ВГИК, может. Лёшик говорит, сценаристы сейчас...

Мужчина. Тяни. Не видишь?

Мальчик. А? Да, забыл.

Мужчина. Болтай меньше. Рыба тишину любит.

Мальчик ненадолго замолкает, хлопает себя по плечам, отгоняя комаров.

Мальчик. Кусучие гады!

Мужчина. Куртку дать?

Мальчик. Нет, жарко. Как ты тут сидишь целыми днями? Такое себе удовольствие.

Мужчина. Сам напросился. Тяни!

Мальчик. Не получается. За корягу зацепилось, что ли? Сейчас подёргаю. Ну, капец, оборвался! Всё! *(Отбрасывает удочку за спину.)* Терпеть не могу твою рыбалку!

Мужчина. Я тебя сюда не звал.

Мальчик. Да знаю я. А раньше звал, я помню, в детстве. Потом перестал. Почему перестал, кстати?

Мужчина. Художка, теннис, Лё-ё-шик. Какая уж тут рыбалка! А ты чего хотел-то?

Мальчик. Поговорить.

Мужчина. Говори.

Мальчик. Я... Ну, в общем...

Мужчина. Ох, ты ж! *(Подсекает, вытаскивает крупного карася.)* Хорош! *(Бросает карася на дно лодки.)*

Мальчик. Мы хоть раз можем пообщаться по-человечески? Без поплавок и червяков? Зачем ты еёловишь, эту рыбу несчастную? Ты её даже не ешь!

Мужчина. Я не ем. Другие едят.

Мальчик. Да кто другие-то? Ты один живёшь. А знаешь, я начинаю понимать маму, почему она тебя бросила. С тобой невозможно разговаривать. Правда. Как будто о столб головой бьёшься. Бетонный столб в семейниках до колен.

Мужчина. Это она так сказала?

Мальчик. Не мне. Лёшику как-то. Я услышал. Какая разница?

Мужчина. Действительно. Они знают, что ты у меня? Не против?

Мальчик. Я, между прочим, сам давно решаю, куда мне ехать и с кем видаться.

Мужчина. А, понятно.

Сидят молча. У мальчика в кармане звонит телефон. Он вынимает телефон из кармана. Подносит к уху.

Мальчик. Мам, привет! Как ты? Нет, Лёшик на даче. Я у папы. Да. На рыбалке, конечно, где ещё? Сидим посреди озера. Не полезу я в воду, debil, что ли?

Мужчина. Привет передай.

Мальчик. Папа передаёт тебе привет. Слышишь? Нет, я не голодный. Я вполне способен сам приготовить себе еду. А ты? Ты не хочешь передать папе привет? Даже сейчас? Да, ничего не меняет. Ладно, пока. *(Нажимает на отбой, но не убирает телефон, держит в руках, поворачивается к мужчине.)* Может, поинтересуешься, как у мамы дела?

Мужчина. Зачем? Её делами теперь Лёшик интересуется.

Мальчик. Конечно, зачем? Зачем? *(Вскакивает с лавочки, начинает размахивать руками.)* Затем, что она сейчас из больницы звонила. У неё рак! У мамы — рак! А она де-

лает вид, что ничего особенно-го не происходит! Что всё как всегда! Затем, что Лёшик, как только узнал, бухает на даче беспробудно! Затем, что я... я... Но тебе незачем, да? Тебе рыба твоя важнее? Как же я вас всех ненавижу!

Мальчик начинает вышвыривать карасей из лодки. Вместе с карасями из его рук летит в воду телефон. Мальчик кидается за телефоном и, не удержав равновесия, падает за борт. Уходит под воду с головой, выныривает, беспомощно колотит руками по воде, захлёбывается. Мужчина бросается на корму и вытаскивает мальчика на лодку. Сажает на банку, начинает снимать с себя куртку.

Мужчина. Вот и мать у тебя так же плавает. Как бетонный столб. *(Накидывает куртку на мальчика, садится рядом, обнимает за плечи.)*

Мальчик. Папа, мне страшно. Мне так страшно. *(Прижимается к мужчине, плачет.)*

Мужчина. В следующий раз, когда купаться соберёшься, плавки возьми. Будем учиться плавать. А хотя нет, не бери. Я тебе семейники подарю, до коллен. Как у меня.

Тёплый день начала лета. Большое озеро. Посреди озера — лодка. В лодке сидят, обнявшись, отец и сын.